

Неконфликтные формы интеграции западных регионов России в позднеимперский период

М. Н. Крот, О. О. Завьялова

Для цитирования: Крот М. Н., Завьялова О. О. Неконфликтные формы интеграции западных регионов России в позднеимперский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 890–905. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.405>

Статья посвящена анализу комплекса неконфликтных форм и практик интеграции западных окраинных регионов России. Они реализовывались имперскими властями в конце XIX — начале XX в. и были направлены на формирование позитивного символического капитала империи, ценности которой становились бы привлекательными для региональных сообществ. Предлагаемый подход заключается в переносе исследовательских акцентов с одностороннего изучения репрессивно-силовых управленческих методов на перманентно присутствовавшие в управленческой деятельности позитивные практики формирования социокультурного ландшафта в рамках полиэтнического многообразия населения западных регионов империи. Системная реализация данных практик дает основание при описании имперской управленческой стратегии в отношении западных окраин использовать концепт «мягкая сила», применимый не только к международной политике, но и к внутривнутриполитической модели управления сложносоставными гетерогенными государствами, включающими в себя разнородные составные элементы и сообщества. Анализ документального материала убедительно доказывает, что на рубеже XIX и XX вв. все большее количество имперских администраторов приходило к осознанию потенциальной опасности для сохранения целостности империи проводимого репрессивно-ограничительного курса, указывая на необходимость поиска новых неконфликтных методов интегративного воздействия. Глобальная цель имперских властей, обуславливавшая необходимость использования стратегии «мягкой силы», состояла в формировании у населения западных окраин общегосударственной имперской идентичности, доминировавшей над национальным

Максим Николаевич Крот — канд. ист. наук, доц., Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; mnkrot@sfedu.ru

Maksim N. Krot — PhD (History), Associate Professor, Southern Federal University, 105/42, ul. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; mnkrot@sfedu.ru

Оксана Олеговна Завьялова — канд. ист. наук, преп., Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; zavyalova@sfedu.ru

Oksana O. Zavyalova — PhD (History), Lecturer, Southern Federal University, 105/42, ul. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; zavyalova@sfedu.ru

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «“Мягкая сила” империи: неконфликтные формы и практики интеграции западных регионов России в 1881–1904 гг.», проект № 22-28-01912, руководитель М. Н. Крот.

The work was supported by the Russian Science Foundation within the framework of scholarly research “‘Soft power’ of the empire: non-conflict forms and practices of integration of the Western regions of Russia in 1881–1904”, project no. 22-28-01912, head M. N. Krot.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

и конфессиональным самосознанием. Авторы приходят к выводу о том, что политика российских властей в отношении западных окраин в рассматриваемый период включала в себя, помимо традиционных административно-силовых управленческих приемов, комплекс неконфликтных интегративных практик. Они реализовывались в форме отказа от наиболее одиозных дискриминационных мер в отношении национальных и конфессиональных сообществ западных окраинных регионов, в применении культурно-просветительской и образовательной политики, направленной на формирование позитивного символического капитала имперского начала в сознании местного населения, и государственной мемориальной политики, реализуемой с целью создания единого пространства памяти.

Ключевые слова: Российская империя, западные окраинные регионы, Северо-Западный край, Прибалтийские губернии, неконфликтные управленческие практики, «мягкая сила», П. Д. Святополк-Мирский, мемориальная политика, народное образование.

Non-conflict Forms of Integration of the Western Regions of Russia in the Late Imperial Period

M. N. Krot, O. O. Zavyalova

For citation: Krot M. N., Zavyalova O. O. Non-conflict Forms of Integration of the Western Regions of Russia in the Late Imperial Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 4, pp. 890–905. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.405> (In Russian)

In the second half of the 19th century, under the influence of external and internal challenges, the modernization of the Russian Empire began, one of the manifestations of which was an attempt to unify the imperial space and to strengthen state ties between the center and the peripheries. Integrative impact of the imperial center in the late 19th — early 20th century was carried out by various means, which included, along with power management practices, a wide range of non-conflict methods of integration, the identification and analysis of which this article is devoted to. The approach proposed by the authors implies shifting the research focus from the study of exclusively administrative and forceful management practices to the non-conflict methods consistently present in management activities which formed a positive sociocultural landscape within the framework of the polyethnic diversity of the population of the western regions of the empire. The analysis of the documentary material demonstrates that during the period under review, an increasing number of imperial administrators were aware of the need to search for new non-conflict methods of managing the national peripheries of the country. The systematic implementation of these practices — the rejection of a number of discriminatory restrictions and consistent cultural, educational, educational and memorial policies — gives reason to characterize the imperial management strategy in relation to the western peripheries as a policy of “soft power”, the purpose of which was to form a nationwide imperial identity that dominated national and confessional self-consciousness.

Keywords: Russian Empire, western outlying regions, Northwestern territory, Baltic provinces, non-conflict management practices, “soft power”, P. D. Sviatopolk-Mirskii, memorial policy, public education.

Интеграция западных окраинных регионов Российской империи, обладающих богатым опытом иногосударственного политического существования, имеющих сложную социальную структуру, привилегированные элементы которой рассматривались как носители конкурирующего ассимиляторского проекта, в конце XIX — начале XX в. ставила перед имперскими властями задачу поиска

неконфликтных методов и практик интегративного воздействия, ориентированного в первую очередь на коренное местное население. Правительственные органы и представители российской общественности стремились создать позитивный символический капитал имперского начала, действуя в рамках стратегии «мягкой силы», реализуемой в образовательной, культурно-просветительской, научно-интеллектуальной, мемориальной и иных сферах. Актуальность обращения к изучению данного аспекта имперских практик обусловлена вневременной общностью интегративных методик, реализуемых в многосоставных и гетерогенных по своей сущности государственных системах, каковой являлась Российская империя. Создание позитивных образов государства, механизмы взаимодействия с общественными силами, апробированные в имперскую эпоху, актуальны и в настоящее время, когда российское правительство продолжает работу над созданием условий общественного участия в экспертной оценке государственной политики.

Комплекс правительственных мер, направленных на унификацию имперского пространства и интеграцию окраинных регионов, являлся составной частью модернизационных процессов, охвативших Российское государство во второй половине XIX в., целью которых являлось устранение элементов архаики, в значительной степени сохранявшихся в различных сферах жизни, и превращение Российской империи в модерное государство. В пореформенный период в России развернулись активные дискуссии о формах и методах политики интеграции окраинных регионов в единое имперское пространство, в которых наряду с представителями государственной власти принимали участие общественные деятели.

Еще в начале 1860-х гг. членами так называемого «милютинского кружка» чиновников и общественных деятелей стала разрабатываться программа «деполонизации» и «оборонительной русификации» Западного края, основные положения которой были изложены в записках, принадлежащих перу видного государственного и общественного деятеля А. П. Заблоцкого-Десятовского¹. Программа, содержащаяся в них, представляла собой национально-консервативную альтернативу как реформам, проводившимся в крае по инициативе и под руководством маркиза А. Велепольского, имевшим ярко выраженную «примирительную» направленность, так и деполонизаторским проектам либерального характера, отстаиваемым, в частности, крупным общественным деятелем и ученым, близким к либеральным правительственным кругам, Б. Н. Чичериным².

Одной из центральных тем общественно-политических дискуссий «окраинной» направленности был поистине «роковой» польский вопрос, привлекавший к себе внимание представителей всех направлений русской общественной мысли, которые, предлагая различные способы его решения, перед лицом романтического максимализма польской политической элиты были вынуждены спланиваться во круг российского самодержавного правительства, поддерживая проводимую им политику³.

¹ Записка А. П. Заблоцкого-Десятовского о мерах, «необходимых для упрочения русского владычества» в Западном крае, представленная имп. Александру II государственным секретарем Владимиром Петровичем Бутковым 24 февраля 1862 г. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 940. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–29.

² Западные окраины Российской империи / ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М., 2006. С. 138.

³ Гусман Л. Ю. Польский «роковой» вопрос «эпохи Великих реформ»: как его пытались решить российские либералы 1860-х гг. // Научная сессия ГУАП (14–22 апреля 2020 г.): Гуманитарные науки.

В период Январского восстания 1863–1864 гг. острая дискуссия велась между сторонниками жестких интегративных мер в отношении западных окраин, направленных на подавление господствовавшего там «полонизма», возглавляемыми виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым, и его оппонентами, настаивавшими на проведении более гибкой, умеренной политики, наиболее видным из которых был министр внутренних дел П. А. Валуев⁴.

В пореформенный период велась дискуссия не только о методах проведения преобразований, необходимых для сближения окраинных регионов с центром, но и по вопросу о социальных силах, на которые правительству следовало опираться в рамках реализации интегративной политики. Часть представителей русской общественности, позицию которых наиболее последовательно излагал редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков, выступала против доминирования любых элементов, нарушавших гомогенность национального организма России — сословности и церкви, как социального института, в то время как их оппоненты выступали за опору на традиционные сословные принципы при проведении окраинной политики⁵. Еще более значимой была полемика между сторонниками сословно-имперского и национального направлений государственного строительства, которая, начавшись в первые пореформенные годы, в разных проявлениях продолжалась на протяжении всей второй половины XIX в.⁶

Именно в ходе данных общественно-политических дискуссий были заложены основные подходы к проведению правительственной политики в отношении западных окраинных регионов, в том числе и основы неконфликтной управленческой модели, систематическая реализация которой началась в более поздний период.

Выделение в качестве исследуемого хронологического периода временного отрезка 1881–1904 гг. обусловлено, с одной стороны, цельностью политики имперских властей, реализуемой в западных окраинных регионах в данный период, с другой — существованием устойчивых представлений о ее односторонне русификаторском характере. Согласно господствующим в историографии интерпретациям, репрессивная составляющая являлась в этот период едва ли не единственным компонентом имперской интегративной политики, что не отражает всей сложности и многообразия существовавших взаимосвязей между имперским центром и регионами. Именно поэтому требуется перенести фокус исследовательского внимания на имевшиеся у Российской империи позитивные практики формирования социокультурного ландшафта в рамках полиэтничного многообразия западных регионов империи.

СПб., 2020. С. 7; Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве. СПб., 2022. С. 161–187.

⁴ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; Krot M. N., Narezhny A. I. P. A. Valuev and the Formation of Government Policy in Relation to the Western Territory (1861–1865) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 1, no. 51. P. 262–271; Дмитриева Н. В. Русификаторская политика в Западном крае и Прибалтийских губерниях. Записка П. А. Валуева Александру II // *Новое прошлое*. 2018. № 2. С. 208–214.

⁵ Котов А. Э. «Современная нефеодалная монархия»: русская консервативная печать конца XIX века в поисках национальной идеологии // *Тетради по консерватизму*. 2015. № 4. С. 133; Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 61.

⁶ Котов А. Э. Между имперским и национальным // *Новое прошлое*. 2019. № 2. С. 197.

В исследовании были использованы архивные материалы, отражающие как общие тенденции реализации неконфликтной модели управления западными окраинами, так и их конкретные региональные особенности, определяемые местными условиями. В обширном фонде 1284 Департамента общих дел Министерства внутренних дел Российского государственного исторического архива в материалах описи 190 большое значение имеет информация об острой полемике между имперскими администраторами различных уровней о целесообразности применения жестких репрессивных мер в отношении населения северо-западных окраинных регионов. В том же архиве, в фонде 747 Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, содержатся протоколы и журналы заседаний, а также отчеты о деятельности Виленского отдела Общества, занимавшегося реализацией культурно-просветительских задач на территории Северо-Западного края.

В Государственном архиве Российской Федерации большой интерес представляют материалы фонда 1729 П. Д. Святополк-Мирского, относящиеся к периоду его пребывания в должности виленского генерал-губернатора, которые позволяют определить причины и предпосылки смягчения имперской политики в отношении Северо-Западного края. В статье также использовались документы Национального исторического архива Беларуси, хранящиеся в фондах 295, 458, 2507 и содержащие информацию о конкретных культурно-просветительских практиках и мероприятиях, направленных на дальнейшую интеграцию региона в единое имперское пространство.

В данном исследовании для анализа неконфликтных методов интеграции окраинных регионов в состав Российской империи используется междисциплинарный концепт «мягкой силы», введенный в научный оборот американским ученым Джоозефом Наем и широко используемый в современном политическом дискурсе в качестве характеристики определенной модели международных отношений, связанных, как правило, с воздействием доминантных субъектов мировой политики на недоминирующие общности и государства⁷.

Концепт «мягкой силы» применим не только к международным отношениям, но и к внутривластной стратегии управления сложносоставными гетерогенными государствами, включающими в себя разнородные составные элементы и общества. Интегративное воздействие государственного центра может осуществляться при помощи различных форм и методов, совокупность которых включает в себя наряду с административно-принудительными управленческими практиками, используемыми всеми политическими системами, широкий комплекс неконфликтных методов интеграции и конструирования единого государственного пространства.

В данном исследовании на основе анализа сложившейся в отечественной и зарубежной гуманитаристике теоретической концепции «мягкой силы» и путем вычленения «ядра» из ее теоретико-методологического конструкта авторы предлага-

⁷ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004. P. 6–7; Звягина Д. А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 136; Коротина Н. Ю. Подходы к измерению «мягкой силы» // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11, № 4. С. 57; Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 215; Макаревич Э. Ф. Структура и возможности «мягкой силы» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1 (778). С. 30.

ют свое определение понятия и пределов его использования, понимая под «мягкой силой» способность гетерогенных государственных образований, коей являлась Российская империя, привлекать и кооптировать входящие в них элементы посредством формирования предпочтений «других» через создание собственного позитивного символического капитала и привлекательности.

Другой конструкт, используемый при анализе проблем исследования, — «неконфликтные интегративные практики» — предполагает реализацию комплекса мер, направленных на выстраивание диалога, выработку форм взаимовыгодного партнерства через формирование горизонтальных связей между имперским центром и западными окраинными территориями в плоскости субъект-субъектных отношений в культурно-просветительской, образовательной, мемориальной и других неполитических социально значимых сферах.

В последние десятилетия подавляющим большинством исследователей, работающих в рамках империоведения, признавалось, что имперский центр на протяжении «долгого» XIX в., отвечая на вызов национализма, был поставлен перед необходимостью как выработать общие принципы национальной и культурно-религиозной политики, так и приспособить их под особенности развития конкретных регионов⁸. В ряде компаративных исследований коренному пересмотру подвергся тезис о репрессивных практиках и принципах государственной организации гетерогенного имперского пространства. В последние десятилетия многими историками было признано, что политика в отношении окраинных регионов, проводимая в империях, имела значительный конструктивный потенциал⁹. На основе сравнительного анализа управленческого опыта империй рассматривались меры по обеспечению лояльности национальных меньшинств, проживавших в западных окраинных регионах России, налаживанию сотрудничества между центральным имперским правительством и местными нерусскими элитами¹⁰. Отмечалось, что в Российской империи накопился большой опыт интеграции местных элит в органы имперской власти, что усиливало связь окраинных регионов с центром¹¹.

Важные методологические установки в изучении культурных практик в управлении западными окраинными территориями России были сформулированы А. Рибером, который выделил сопротивление и приспособление в качестве основных стратегий взаимодействия имперского центра и покоренных народов в мульт-

⁸ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 19; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 18; Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 13; Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков. СПб., 2020. С. 7.

⁹ Барзилов С. И. Российское историческое пространство в имперском и региональном измерении // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 15; Кэмпбелл (Воробьева) Е. И. «Единая и неделимая Россия» и «иногородский вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Там же. С. 208; Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под ред. А. Т. Урушадзе. Ростов-на-Дону, 2020. С. 25; Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 429.

¹⁰ Западные окраины Российской империи. С. 7, 217, 266, 271.

¹¹ Боханов А. Н. Император Александр III. М., 2006. С. 123; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 79; С. 263; Янченко Д. Г. Дискуссии о национальных окраинах в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1382.

тикультурных империях. Практическое выражение последнего рассматривалось и в контексте формирования «имперской культурной системы»¹². В рамках данного подхода сформировалась целая группа исследований, в которых произошло смещение акцентов изучения с административно-правовой на культурную составляющую политики в отношении окраинных регионов. Объектом исследования стало имперское сознание, имперские идеи и мифы¹³. О сосуществовании двух параллельных подходов к интеграции западных регионов и политике в отношении местной польской элиты — традиционного полицейско-бюрократического, предполагавшего доминирование силовых управленческих практик, и либерального, ориентированного на использование неконфликтных методов воздействия, указывал Л. Е. Горизонтов, характеризующий попеременную смену данных подходов как «парадоксы имперской политики»¹⁴.

В современной историографии также признавалось, что конфессиональная политика на западных окраинах империи в целом отличалась веротерпимостью и принимала «оборонительный» характер с целью защиты православного населения от агрессивного польского религиозного фанатизма, обеспечивая единство империи и эффективность управления ею¹⁵.

Политика имперских властей в северо-западных регионах России, в том числе и в культурно-просветительской сфере, является объектом изучения современных белорусских и литовских исследователей, большинство из которых, не отрицая наличия мирных, «культурных» методов регионального управления, указывает на доминирование в нем «деполонизаторского» вектора, репрессивные элементы которого затрагивали и коренное местное население¹⁶.

Таким образом, целый ряд сюжетов взаимодействия имперского центра и западных окраинных регионов в культурно-идеологическом измерении остался за пределами исследовательских задач отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся теоретическим осмыслением проблем национальной политики в Российской империи. Формирование привлекательного образа империи, проецирование на западные окраинные регионы имперских идей, символов, образов, мифов с целью укрепления и сохранения имперского пространства, нуждается в дополнительном изучении.

Общая цель имперской политики на окраинах состояла в интеграции окраинных регионов в единое имперское пространство посредством установления первенства имперских идентификационных маркеров в самосознании и самоидентификации.

¹² Рибер А. Борьба за евразийское пограничье: от империй раннего Нового времени до конца Первой мировой войны (Реферат) // Имперский поворот в изучении истории России: современная историография. М., 2019. С. 21.

¹³ Burbank J., Cooper F. Empires in world history: Power and the politics of difference. Princeton, 2010. P. 12.

¹⁴ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 217.

¹⁵ Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914). Минск, 2010. С. 386; Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. С. 243.

¹⁶ См.: Смалянчук А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864 — люты 1917 г. СПб., 2004; Эйдінтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. Вильнюс, 2013; Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022.

фикации окраинных сообществ, а также в сохранении их политической лояльности имперскому центру. Перед имперскими властями стояла непростая задача замены европейской идентификации региональных элит западных окраин и традиционной территориально-конфессиональной идентификации местных народных масс на формируемую единую имперскую идентичность. Достижение данной цели не могло быть осуществлено исключительно принудительно-силовыми методами воздействия, поскольку требовало от имперской администрации значительной гибкости, готовности пойти на компромисс и стать привлекательной для местного населения. Империя, привыкшая подчинять, должна была вжиться в новую для себя роль и научиться нравиться населению своих окраин.

Использование неконфликтных управленческих практик и методов идентификационного воздействия было обусловлено стремлением имперских властей к гармоничному сочетанию репрессивных и стимулирующих мер, а также комплексом обстоятельств, присущих сложносоставной гетерогенной государственной структуре Российской империи — слабостью имперских ассимиляционных ресурсов, связанной с низким культуртрегерским потенциалом титульной нации, сопротивлением и высокой степенью конфликтогенности административно-силовых форм воздействия, а также недоуправляемостью империи, обуславливавшей потребность в опоре на традиционные, местные элиты и сложившиеся механизмы управления. Главной целью имперской региональной администрации являлось поддержание порядка на окраинах, сохранение лояльности местного населения и недопущение открытых силовых противостояний. Ради этого власти были готовы идти на определенные уступки и компромиссы. Даже в отношении лиц, открыто противодействовавших правительственной политике, администрация стремилась действовать максимально мягко, избегая открытых репрессий, которые могли бы вызвать всплеск недовольства среди местного населения. В особенности это касалось конфессиональных вопросов, где региональным чиновникам рекомендовалось соблюдать наибольшую осторожность. Так, например, управление Департамента духовных дел иностранных исповеданий неоднократно указывало на «несвоевременность» принятия каких-либо «чрезвычайных мер» по отношению к «упорствующим в латинстве», то есть к бывшим униатам, не признавшим себя православными и тайно примкнувшим к католицизму, что было обусловлено опасениями перед вспышкой недовольства среди католического и бывшего униатского населения западных окраин¹⁷.

Не всегда представители центральных органов управления готовы были поддерживать инициативу местной коронной администрации по усилению мер, направленных на распространение православия среди окраинного населения, представлявшего иные конфессии. В этом отношении для рассматриваемого периода показательным является пример, связанный с конфессиональной политикой в Прибалтийском крае. Для этого региона именно 1880-е гг. в историографии оцениваются временем максимального распространения русификаторской политики. Вместе с тем в 1887 г. в неофициальной переписке обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев сообщал известному своей пророссийской позицией эстляндскому губернатору С. В. Шаховскому о том, что основой для добровольного

¹⁷ Отчет губернатора о состоянии Минской губернии за 1902 г. // Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 7.

перехода эстов и латышей из лютеранства в православие должна стать «мягкая» политика, направленная на обеспечение достаточных условий присутствия православия в Прибалтийском крае. Это, по мнению обер-прокурора, должно было позволить сохранить уже сменившее религию население и избежать «отпадения от православия»: «Достаточно нам принимать искренно к нам идущих и наблюдать, чтобы было куда принять их, т. е. к церкви, к пастырю и к школе. Если этих устроим, остальное придет само собой»¹⁸.

Даже в отношении такой непримиримой фигуры, как Виленский католический епископ С. Зверович, выпустивший 12 февраля 1902 г. циркуляр, согласно которому римско-католическому духовенству края предписывалось всеми возможными способами противодействовать посещению детьми католиков православных церковно-приходских школ¹⁹, власти не стали применять сколь-нибудь серьезных карательных мер. По распоряжению министра внутренних дел В. К. Плеве первоначально сосланный в Тверь священник спустя несколько месяцев был возвращен и назначен Сандомирским епископом; причем министр внутренних дел пояснил, что причина инцидента крылась в «ошибочной политике местных властей, которые активно распространяли православие среди католиков»²⁰. 1 апреля 1902 г. вышло новое «Положение о церковных школах ведомства Православного исповедания», в котором указывалось на то, что «церковные школы предназначаются для лиц православного исповедания», а представители иных конфессий могут приниматься в школы не иначе, как по согласию их родителей или опекунов²¹.

Публичная сфера присутствия русского элемента на окраинах также зачастую выступала в качестве действенного, с точки зрения региональной коронной администрации, инструмента обеспечения лояльности местного населения правительству. По мнению лифляндского губернатора И. Е. Шевича, особую роль в этом играла пресса, которая могла помочь в распространении ценностей русской интеллектуальной и духовной культуры. Обращая внимание на достаточно высокий уровень грамотности эстов и латышей, он признавал, что по степени политической зрелости они уступают немцам. Это, в свою очередь, обеспечивало податливость большинства населения края любым отвечающим его интересам предложениям, транслируемым периодической печатью. Именно поэтому посредством цензуры правительству важно было «твердо держать в своих руках этот сильный рычаг дальнейшего политического развития... края»²². В то же время губернатор писал министру внутренних дел Д. А. Толстому, что «в крае нет ни одного органа, читаемого немцами, который поддерживал бы политику более тесного единения с остальной

¹⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 246. Д. 73. Л. 12. — Более подробно об этом см.: *Дмитриева Н. В.* Сакральная новостройка: Александро-Невский собор в Ревеле и проблема распространения православия в Эстляндской губернии в конце XIX — начале XX в. // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, вып. 4. С. 906–924.

¹⁹ Циркуляр № 509 Виленского римско-католического епископа С. Зверовича от 12 февраля 1902 г. // *Ганчар А. И.* Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX — нач. XX вв.). Гродно, 2010. С. 469.

²⁰ *Смелянчук А. Ф.* Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. Гародня, 2000. С. 65.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: в 33 т. Т. 22. СПб., 1885–1916. № 21290. С. 208.

²² *Дмитриева Н. В.* «О политических партиях в Лифляндской губернии»: донесения лифляндского губернатора И. Е. Шевича министру внутренних дел 1884 г. // *Русский архив.* 2022. № 10 (2). С. 100.

империей, если не считать «Рижского вестника», который излишней иногда заносчивостью своей и отсутствием примеренного тона в своих статьях нередко подает повод к страстной полемике с газетами противоположного направления»²³.

Среди российской региональной администрации наиболее последовательным сторонником неконфликтной модели интеграции западных регионов был князь П. Д. Святополк-Мирский, занимавший пост генерал-губернатора Северо-Западного края в 1902–1904 гг. Он полагал, что успешное достижение стратегических целей российского правительства возможно только путем сочетания традиционных силовых административных мер с широким применением неконфликтных управленческих практик и методов, причем первые должны постепенно ограничиваться, уступая место вторым. Концептуальные основы своего курса он изложил в своем всеподданнейшем отчете Николаю II, представлявшем собой, по оценке императора, «целую программу правительственной политики» в отношении Северо-Западного края²⁴.

Большое значение П. Д. Святополк-Мирский придавал снятию давнего запрета на использование латино-литовского шрифта при издании книг на литовском языке, который, преследуя «деполонизаторские» задачи в отношении литовского населения края, в значительной степени способствовал росту антиправительственных настроений и развитию литовского национального движения, «враждебного всему русскому»²⁵. Отстаивая необходимость снятия данного запрета, генерал-губернатор фактически указывал на необходимость перехода к новой модели управления окраинными сообществами, состоящей в «правильном руководстве» культурно подрастающими народностями и удовлетворении их духовных запросов со стороны правительства. Привлечение этих сообществ (в данном конкретном случае речь шла о литовской народности) на свою сторону, по мнению администратора, было возможно только мирными, «культурными» средствами, которые обеспечат их лояльность и «правомерное» развитие в рамках единого имперского пространства²⁶.

Благодаря настойчивости П. Д. Святополк-Мирского в апреле 1904 г. запрет на использование латиницы для литовской печати был официально отменен, что вызвало бурную радость и отклик в широких слоях литовского населения Северо-Западного края, демонстрировавших свою лояльность верховной власти, шедшей навстречу культурным запросам местной общественности и народных масс²⁷.

Одним из важнейших элементов политики «мягкой силы» являлся комплекс культурно-просветительских мер, направленных на формирование позитивного символического капитала имперского начала в сознании окраинных сообществ. Выработка общих ценностных ориентиров и формирование новой имперской идентичности могли осуществляться только посредством интеллектуально-информационного воздействия на широкие круги населения западных окраин в рам-

²³ Там же. С. 105.

²⁴ Всеподданнейший отчет виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора за 1902–1903 гг. // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. Л. 1.

²⁵ Политический обзор по Ковенской губернии за 1902 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 101, 3-е делопроизводство, 1903 г. Ч. 1. Л. 2 об.

²⁶ Записка виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского по вопросу о латино-литовском шрифте // ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 238. Л. 5–5 об.

²⁷ Письма и. д. Ковенского губернатора П. Веревкина П. Д. Святополк-Мирскому // Там же. Д. 524. Л. 3–4.

ках деятельности легальных культурно-просветительских обществ, существующих под патронатом имперской администрации. К наиболее значимым из них можно отнести Виленский отдел Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, созданный по инициативе генерал-губернатора В. Н. Троицкого в 1899 г.

Создателями общества особенно подчеркивалась необходимость «мирного завоевания умов и сердец силою просвещения», которое не могло осуществляться административным путем, поскольку идейная сущность просветительской деятельности находится «в области умственной и нравственной, ускользающей от прямого воздействия государственной власти и силы»²⁸.

Виленский отдел Общества ревнителей вел активную культурно-просветительскую деятельность среди местного населения, организовывая народные чтения, публичные лекции и прочие просветительские мероприятия. В Вильно были открыты две бесплатные народные библиотеки, пользовавшиеся большой популярностью как среди православного и старообрядческого, так и среди католического населения города²⁹. Несмотря на многочисленные трудности, с которыми сталкивались региональные отделы Общества ревнителей на западных окраинах, их деятельность можно признать наиболее последовательным воплощением в жизнь стратегии «мягкой силы», ориентированной на формирование привлекательного образа имперского начала среди местного населения.

Важную роль в формировании единой имперской идентичности играло выстраивание общего пространства памяти, конструирование единого для имперского центра и национальных окраин исторического прошлого, центральное место в котором занимал концепт восстановления утраченного единства. Создаваемые официальные нарративы и мемориальные мероприятия имперских властей были направлены на формирование официального исторического дискурса, в центре которого должен был стоять имперский пантеон исторических героев, а также комплекс идейных, духовных и ценностных установок, провозглашавших неизбежность имперских порядков и традиций, нерушимость авторитета и силы верховной власти русского монарха.

К концу XIX столетия в отношении Северо-Западного края сложилась четкая мемориальная концепция, основывающаяся на трех ключевых реперных точках в истории края и почитании связанных с ними исторических героев, чья деятельность встраивалась в общий интегративный концепт.

Первая из них олицетворяла собой формирование единого культурно-языкового и религиозного пространства, которое связывалось с деятельностью просветителей Кирилла и Мефодия, занимавших особое место в символическом капитале культуры Российской империи. На значимости почитания святых в регионе в контексте борьбы с латинской пропагандой особо настаивал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, полагая что оно будет способствовать утвержде-

²⁸ От редакции // Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. 1900. № 1. С. 3.

²⁹ Записка о местных отделах Общества ревнителей русского исторического просвещения по Виленскому отделу // РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 80. Л. 83.

нию «чувства национальности и понятия о просвещении, связанном с церковью», в сознании местного населения³⁰.

Сущность второго системообразующего элемента данной мемориальной концепции состояла в восстановлении утраченного единства русских земель в конце XVIII в., что было связано с государственной деятельностью императрицы Екатерины II, фигура которой в сознании местного населения должна была приобрести черты освободительницы народных масс от иноземного гнета, а ее царствование — «благодетельное значение» для Северо-Западного края, воссоединенного с Россией³¹. Важнейшим элементом комплекса мемориальных практик, посвященных императрице, имевшим огромное символическое значение, стало сооружение памятника в Вильно, приуроченное к столетней годовщине присоединения Северо-Западного края к России.

Третьим ключевым объектом активно формируемого мемориального пространства западных окраин империи стала личность генерал-губернатора М. Н. Муравьева, с чьим именем связывалось «умиротворение» края и «спасение исконных русских начал», находившихся в угнетенном состоянии. Материальным воплощением данного сегмента региональной исторической памяти выступил памятник М. Н. Муравьеву, торжественно открытый в Вильно 8 ноября 1898 г. Установление памятника генерал-губернатору стало частью комплекса торжественных мероприятий, посвященных его памяти, идейным содержанием которых являлось утверждение в сознании местного населения огромной положительной роли русского администратора в деле умиротворения края и утверждения в нем русских начал³².

Важнейшим элементом политики «мягкой силы» являлась образовательная сфера, представлявшая собой механизм по внедрению в сознание подрастающих поколений общеимперских ценностей и предпочтений, формированию политической лояльности и ключевых имперских маркеров, среди которых доминирующим являлось владение русским языком как главным коммуникативным и символическим признаком имперской идентичности. В своем рапорте о ревизии Лифляндской и Курляндской губерний³³ сенатор Н. А. Манасеин отмечал, что «народное образование в руках правительства является самым могущественным орудием к мирному объединению и теснейшей связи окраин русского государства с его центром, населенным громадной массой одноплеменного русского народа»³⁴. Для Прибалтийского края, как и для других западных окраин Российской империи, наиболее действенным средством распространения русского языка рассматривалось его широкое введение во всех учебных заведениях. Отсутствие системности в проведении данных мероприятий, по мнению сенатора, являлось главной причиной слабого

³⁰ *Победоносцев К. П.* Письмо от 3 апреля 1885 года // *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева к Александру III: в 2 т. М., 1926. Т. 2. С. 71.

³¹ Дело о праздновании дня открытия в гор. Вильне памятника императрице Екатерине II // *НИАБ.* Ф. 2507. Оп. 1. Д. 2921. Л. 3–5.

³² Рапорты народных учителей училищ Витебской губ. о проведении чтения о деятельности графа Муравьева и программа празднования дня открытия ему памятника // Там же. Д. 2176. Л. 1.

³³ Более подробно о ревизии 1882–1883 гг. в Прибалтийском крае см.: *Крот М. Н., Дмитриева Н. В.* «К сожалению, не опоры, а сопротивление встречает правительство»: сенаторская ревизия Прибалтийских губерний // *Quaestio Rossica.* 2019. Т. 7, № 3. С. 851–868.

³⁴ Всеподданнейший рапорт сенатора Н. Манасеина по ревизии Лифляндской и Курляндской губерний // *ГАРФ.* Ф. 677. Оп. 1. Д. 554. Л. 1.

знакомства окраин с русской историей, литературой, а также отсутствия понимания и принятия России в целом³⁵. Однако для реализации новой образовательной политики в крае Н. А. Манасеин предлагал исключительно административные меры. Его идея состояла в том, чтобы «подчинить сельские евангелическо-лютеранские народные и приходские школы, а также учительские семинарии ведомству Министерства народного просвещения»³⁶, что и было сделано в 1886 г.

Особенно большое значение образовательной системе придавалось в регионах, рассматривавшихся в качестве арены конкурентной борьбы «русских начал» и конкурирующих ассимиляторских проектов, таковым являлся и Северо-Западный край. Наряду с репрессивными мерами, направленными против нелегального обучения, распространявшегося среди национальных сообществ западных окраин в конце XIX в., российское правительство способствовало развитию русского образования посредством всестороннего расширения сети народных школ и улучшения материального положения преподавательского состава. Согласно принятым в июне 1886 г. «Правилам об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского», в ряде северо-западных губерний на 50 % было увеличено жалование для учителей начальных школ, что должно было способствовать притоку новых кадров в образовательную среду и их закреплению в регионе³⁷.

Следует отметить, что политика «обрусения» населения западных окраин посредством увеличения численности церковно-приходских школ в регионах с преобладанием неправославного населения, в течение длительного времени проводимая имперскими властями по инициативе местного православного духовенства при прямой поддержке обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, на рубеже XIX и XX вв. вызывала все больше возражений у представителей региональной администрации, считавших ее одной из главных причин недовольства и роста антиправительственных настроений среди местного населения³⁸.

Помимо просвещения местного населения, учебные заведения края должны были оказывать интегрирующее воздействие на вверенную им «разноверную и разноплеменную» молодежь северо-западных губерний, воспитывая ее в духе «сближения с великорусским населением»³⁹. Более 30 лет пребывавший на должности попечителя Виленского учебного округа Н. А. Сергиевский считал, что система образования на западных окраинах России имела огромное интегрирующее значение, способствуя формированию местной интеллигенции, лояльной верховной власти. Для достижения данной цели образовательный процесс, реализуемый в западных регионах, по его мнению, должен был содержать значительный воспитательный компонент, вырабатывавший в учениках уважение к русским государственным

³⁵ Всеподданнейший рапорт сенатора Н. Манасеина по ревизии Лифляндской и Курляндской губерний // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 554. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 39 об.

³⁷ Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского (Высочайше утверждены 13 июня 1886 г.). СПб., 1886.

³⁸ Отношение министра народного просвещения Зенгера управляющему делами Комитета министров от 13 января 1904 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 82. Л. 38.

³⁹ Отчет губернатора о состоянии Минской губернии за 1902 г. // НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 49.

началам⁴⁰. Директор народных училищ Минской губернии Н.Ф. Акоронко, настаивавший на всестороннем расширении народного образования, неоднократно подчеркивал, что интегрирующее воздействие образовательной сферы не должно носить насильственно-дискриминационный характер, не должно лишать местное население права знать и пользоваться родным языком, воспитывая «живое религиозное чувство без нарушения вероисповедных особенностей» разноплеменных учащихся⁴¹.

Практика имперского управления на западных окраинах носила сложный и комплексный характер, включая в себя как административно-силовой компонент, который в силу высокой степени своей резонансности и травматичности для подвергавшихся его воздействию сообществ оставлял более заметный след в восприятии современников и потомков, так и широкий круг неконфликтных интегративных методов, менее заметных на фоне конфликтных управленческих эпизодов.

Стратегия «мягкой силы», проводимая в отношении западных окраинных регионов Российской империи в конце XIX — начале XX в., реализовывалась в виде культурно-просветительской деятельности, осуществляемой как образовательными учреждениями, так и целенаправленно создаваемыми общественными просветительскими организациями, действующими под патронатом администрации, целью которых являлось формирование позитивного символического капитала имперского начала в сознании населения окраин. Консолидации различных групп окраинного населения и формированию у них единой имперской идентичности должна была способствовать образовательная политика, ориентированная на интеграцию местного населения в единое культурное пространство империи. Также в рамках данной стратегии активно применялась государственная мемориальная политика, направленная на формирование единого пространства памяти, сближавшего имперский центр и западные окраины, конструирование общего исторического прошлого, центральное место в котором занимал концепт «восстановления» утраченного единства. Помимо этого, ориентация на использование неконфликтных управленческих практик обуславливала необходимость фактического или официального отказа от наиболее одиозных дискриминационно-репрессивных мер в отношении национальных и конфессиональных сообществ западных окраинных регионов, что было вызвано ситуативными причинами и трансформацией окраинной управленческой стратегии.

Следует отметить, что успешной реализации данной стратегии препятствовал комплекс объективных и субъективных факторов, связанных с сохранением значительных элементов домодерной архаики в общей структуре и практике управления Российской империей, традиционным недоверием администрации к общественным инициативам и нежеланием сотрудничать с региональной общественностью, препятствовавшим ее привлечению на сторону власти, перманентной нехваткой материальных средств, необходимых для ее реализации, а также общей слабостью имперских ассимиляционных ресурсов. Политика имперских властей, объективно способствовавшая развитию региональных национальных идентичностей, вступавших на путь формирования собственных социокультурных доктрин и проек-

⁴⁰ Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1899 год. Вильна, 1899. С. 37.

⁴¹ Отчет губернатора о состоянии Минской губ. (30 марта 1895 г. — 27 января 1896 г.) // НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 5987. Л. 28 об.

тов нацистроительства, в силу указанных причин не привела к их аккультурации, не реализовав в полном объеме значительный интегративный потенциал, содержащийся в стратегии «мягкой силы». Для ее полномасштабной реализации была необходима комплексная модернизация всей административно-территориальной структуры и управленческой системы империи, а также выработка новой модели взаимодействия центра и окраин. Достичь этого в условиях внутренних и внешних социально-политических потрясений начала XX в. не удалось, что сделало неизбежным формирование новых видов взаимодействия политических субъектов, возникших на пространстве Российской империи.

References

- Barzilov S. I. Rossiiskoe istoricheskoe prostranstvo v imperskom i regional'nom izmereniiakh. *Prostranstvo vlasti: istoricheskii opyt Rossii i vyzovy sovremennosti*. Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond Publ., 2001, pp. 10–23. (In Russian)
- Bendin A. Iu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiiskoi imperii (1863–1914)*. Minsk, Belarusian State University Press, 2010, 439 p. (In Russian)
- Bokhanov A. N. *Imperator Aleksandr III*. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2004, 509 p. (In Russian)
- Burbank J., Cooper F. *Empires in world history: Power and the politics of difference*. Princeton, Princeton University Press, 2010, 511 p.
- Center and regions: The economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)*. Ed. by D. G. Yanchenko, M. V. Khodyakov. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2020, 660 p. (In Russian)
- Dmitrieva N. V. “On political parties in the Livland province”: Reports of the Livland governor I. E. Shevich to the Minister of the Interior in 1884. *Russkii Arkhiv*, 2022, no. 10 (2), pp. 94–107. (In Russian)
- Dmitrieva N. V. Rusifikatorskaia politika v Zapadnom krae i Pribaltiiskikh guberniakh. *Zapiska P. A. Valueva Aleksandru II*. *New past*, 2018, no. 2, pp. 208–214. (In Russian)
- Dmitrieva N. V. Sacred New Building: Alexander Nevsky Cathedral in Reval and the Spread of Orthodoxy in the Governorate of Estonia at the End of the 19th — Beginning of the 20th Century. *Modern History of Russia*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 906–924. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Belousov M. S., Belousov A. S., Teslia A. A., Komzolova A. A., Kotov A. E., Banashkevich M., Gusman L. Iu., Puchenkov A. S., Samylovskaiia E. A., Kudriavtseva R.-E. A. *Nasledie Rechi Pospolitoi v imperskom intellektual'nom prostranstve*. Ed. by A. Yu. Dvornichenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2022, 476 p. (In Russian)
- Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamoshaitis M. *Istoriia Litvy*. Vilnius, Eugrimas Publ., 2013, 318 p. (In Russian)
- Ganchar A. I. *Rimsko-katolicheskaia tserkov' v Belarusi (vt. pol. XIX — nach. XX vv.)*. Grodno, Grodno State Agrarian University Press, 2010, 510 p. (In Russian)
- Gorizontov L. E. *Paradoksy imperskoi politiki: poliaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX — nachalo XX v.)*. Moscow, Indrik Publ., 1999, 272 p. (In Russian)
- Gusman L. Iu. Pol'skii “rokovoi” vopros “epokhi Velikikh reform”: kak ego pytalis' reshit' rossiiskie liberaly 1860-kh gg. *Nauchnaia sessiia GUAP (14–22 apreliia 2020 g.): Gumanitarnye nauki*. St. Petersburg, GUAP Press, 2020, pp. 6–9. (In Russian)
- Kappeler A. *Rossiia — mnogonatsional'naia imperiia. Vozniknovenie, istoriia, raspad*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000, 344 p. (In Russian)
- Kempbell (Vorob'eva) E. I. “Edinaia i nedelimaia Rossiia” i “inorodcheskii vopros” v imperskoi ideologii samoderzhaviia. *Prostranstvo vlasti: istoricheskii opyt Rossii i vyzovy sovremennosti*. Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond Publ., 2001, pp. 204–216. (In Russian)
- Komzolova A. A. *Politika samoderzhaviia v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform*. Moscow, Nauka Publ., 2005, 380 p. (In Russian)
- Korotina N. Iu. Podkhody k izmereniiu “miagkoi sily”. *Discourse-Pi*, 2014. vol. 11, no. 4, pp. 56–61. (In Russian)

- Kotov A. E. "Sovremennaiia nefeodal'naia monarkhiia": Russkaia konservativnaia pechat' kontsa XIX veka v poiskakh natsional'noi ideologii. *Tetradi po konservatizmu*, 2015, no. 4, pp. 130–146. (In Russian)
- Kotov A. E. "Tsarskii put'" Mikhaila Katkova: ideologiya biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860–1890-kh godov. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2016, 486 p. (In Russian)
- Kotov A. E. Mezhdou imperskim i natsional'nym. *New past*, 2019, no. 2, pp. 194–201. (In Russian)
- Krot M. N., Dmitrieva N. V. "K sozhaleniiu, ne oporu, a soprotivlenie vstrechaet pravitel'stvo": Senatorskaia reviziia Pribaltiiskikh gubernii. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 851–868. (In Russian)
- Krot M. N., Narezhny A. I. P. A. Valuev and the Formation of Government Policy in Relation to the Western Territory (1861–1865). *Bylye Gody*, 2019, vol. 1, no. 51, pp. 262–271. (In Russian)
- Lebedeva M. M. "Miagkaia sila": Poniatie i podkhody. *Vestnik of MSIIR-University*, 2017, no. 3, pp. 212–223. (In Russian)
- Liven D. *Rossiiskaia imperiia i ee vragi s XVI veka do nashikh dnei*. Moscow, Evropa Publ., 2007, 688 p. (In Russian)
- Matsuzato K. General-gubernatorstva v Rossiiskoi imperii: ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu. *Novaia imperskaia istoriia postsovetского prostranstva*. Kazan, Tsentr issledovaniia natsionalizma i imperii Publ., 2004, pp. 427–458. (In Russian)
- Makarevich E. F. Struktura i vozmozhnosti "miagkoi sily". *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2017, no. 1 (778), pp. 27–37. (In Russian)
- Miller A. I. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, 248 p. (In Russian)
- National Outskirts in the Politics of the Russian Empire and Russian Social Thought*, ed. by A. T. Urushadze. Rostov-on-Don, Publishing House of the YuNTs RAS, 2020, 680 p. (In Russian)
- Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs Publ., 2004, 192 p.
- Riber A. Bor'ba za evraziiskoe pograniche: ot imperii rannego Novogo vremeni do kontsa Pervoi mirovoi voiny. (Referat). *Imperskii povorot v izuchenii istorii Rossii: Sovremennaiia istoriografiia*. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., 2019, pp. 19–27. (In Russian)
- Smalianchuk A. F. *Poliaki Belarusi i Litvy v revoliutsii 1905–1907 gg.* Garodnya, Ratusha Publ., 2000, 204 p. (In Belarusian)
- Smalianchuk A. F. *Mezhdou regionalizmom i natsional'noi ideei. Pol'skoe dvizhenie na belorusskikh i litovskikh zemliakh, 1864 — fevral' 1917 gg.* St. Petersburg, Newski prascyag Publ., 2004, 404 p. (In Belarusian)
- Staliunas D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022, 376 p. (In Russian)
- Vert P. *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziia Rossiiskoi imperii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 210 p. (In Russian)
- Yanchenko D. G. Diskussii o natsional'nykh okrainakh v pozdneimperskoi Rossii. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, no. 4, pp. 1379–1391. (In Russian)
- Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*, eds M. D. Dolbilov, A. I. Miller. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, 608 p. (In Russian)
- Zviagina D. A. "Miagkaia sila": Strukturnyi analiz. *Iniitsiativy XXI veka*, 2012, no. 3, pp. 135–137. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2023 г.

Рекомендована к печати 17 июля 2023 г.

Received: April 2, 2023

Accepted: July 17, 2023